

РИГАС БАЛСС. Пятница, 6 декабря 1963 г.

О верности

«СОЛДАТСКАЯ ШИНЕЛЬ» АРВИДА
ГРИГУЛИСА НА СЦЕНЕ РИЖСКОГО
ТЕАТРА РУССКОЙ ДРАМЫ

Бывают спектакли, которые живут лишь до закрытия занавеса. Отзвучат аплодисменты, погаснут лучи рампы, зритель устремится к вешалке, досадуя в душе на нерасторопность театральных гардеробщиков. И впечатление от виденного улетучится без следа. Придет домой зритель, спросят его: «Ну, как?», и он задумается: «В самом деле: как?!» Нет, он не станет ворочаться в ту ночь без сна, взвешивая, примеривая, сопоставляя правду театра с правдой своей жизни. Он просто перейдет к своим обыденным делам и мыслям.

«Солдатская шинель» — явление другого рода. В тот вечер в зрительном зале царила сдержанная атмосфера. Не бушевали шквалы рукоплесканий, не слышно было восторженных возгласов, не вспыхивали споры в антрактах. Не было ничего феерического, цветистого, праздничного. Шел, пожалуй, будничней спектакль. Может, он не загнул глубин, не взволновал сердца, не взбудоражил умы. Но люди, повидавшие «Солдатскую шинель», потом снова и снова возвращаются к ней мыслью. И признают: это был большой и нужный разговор. Полезный каждому, даже тому, кто далек от бездны, в которую чуть было не свалился главный герой спектакля Эдвин Гулбис. Разговор важный и очень созвучный строю наших размышлений о смысле и назначении искусства.

«Солдатская шинель» — спектакль о верности гражданскому долгу, о верности солдатской присяге, о верности тем идеалам, за которые шли на смерть лучшие люди страны, за которые и теперь ведется бой на широчайшем фронте — из конца в конец нашей планеты. Символом общественного долга была избрана старенькая солдатская шинель, совсем такая же, как те, что висят, затянутые паутиной, в старых чуланах и шкафах, во многих-многих квартирах советских людей, овеянные фронтовым дымом, простреленные вражьи пулями, со шепотками перетертой, высохшей махорки в карманах... Висят и висят. Выбросить — рука не подымается, а использовать... Ну, на что, кажется, можно ее использовать в наше время, старую, бывалую солдатскую шинель?!

Итак, три фронтовых друга, три гвардии-лейтенанта, прощаясь после демобилизации, решили сохранить свои солдатские шинели и встретиться через десять лет. Проверить, посмотрев в глаза друг другу, как жили, для чего? Не сбились ли с верного курса? И вот — встреча состоялась. Три друга — три судьбы, три итога. Но почему же один из трех боевых товарищей опускает глаза?..

Пьеса Арвида Григулиса, спектакль Театра русской драмы (режиссер — дипломантка консерватории А. Апеле) ничего

не подслащивают, не расширяют правду, даже если она горька. Эдвин Гулбис — его играет народный артист РСФСР Владимир Козелл — всей краткой историей своей жизни предостерегает от ошибок, утверждает идею ответственности человека перед обществом. Без всяких ужимок, без манерничанья, прямо в лоб, сурово и просто ставится вопрос об опасности моральных компромиссов, о тупике, неминуемом для любителей «легкой жизни», о пагубном влиянии воинствующего мещанства на человека, который перестает бороться за чистоту и незыблемость своих идеалов.

Человек оказался на краю трясины. Связавшись с темными людишками, растрачивая свои силы в пьянстве, «не воруя сам, он стал проходить мимо воровства», этот большой, красивый человек, вчерашний солдат. Но Эдвин Гулбис не смирился. Он сам себе и строгий судья, и беспощадный обвинитель. Мысленный взор этого человека устремлен внутрь самого себя. Он мучается, он не прощает и он не простит себе слабости. Об этом свидетельствует какой-то внутренний голос Эдвина — Козелла, который словно слышится даже тогда, когда артист не произносит ни одного слова.

Не только требовательные, честные глаза однополчан, не только высокий и беспощадный критерий любимой женщины Элги Мелдре, потерянной и вновь обретенной, спасут от гибели заблудшего человека. Он сам найдет в себе силы порвать с темным миром прихлебателей и тунеядцев, пытающихся «пристроиться» к социализму.

В работе актера далеко не все еще совершенно. Ни он, ни режиссер не нашли еще средств для «перекрытия» некоторых пустот роли, местами очерченной в пьесе слишком примитивно, слишком поверхностно. Но главное уже удалось. Артист сумел раскрыть сокровенный, внутренний духовный склад своего героя, заставил нас поверить в него, верить даже тогда, когда он еще мечется в поисках выхода из тупика.

Психологически обоснован, подготовлен, закономерен весь дальнейший ход развития этого образа. Эдвин должен порвать с миром болотных призраков, и он порвет с ним. В этом убеждает игра В. Козелла.

На днях, на заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС, обсуждавшей проблемы театрального искусства и драматургии, Л. Ф. Ильичев говорил:

«Художники, литераторы, драматурги, идеологические работники обязаны иметь в виду центральную идею нашей демократии: не только общество для тебя, но ты для общества».

